

А. В. Ломагина

**О ГРАНИЦАХ БИОГРАФИЧЕСКОГО РОМАНА
80-х ГОДОВ XX ВЕКА
(На примере романа Х. Стангерупа «Путь в Лагоа Санта»)**

Роман «Путь в Лагоа Санта» (1981) является частью трилогии Х. Стангерупа (1937–1998), каждый из романов которой посвящен судьбе одного известного датчанина. Один сыграл значительную роль в литературе (Педер Меллер из «Трудно умирать в Дьеппе»), другой — в науке (Петер Вильгельм Лунд из «Путь в Лагоа Санта»), третий — в религиозных исканиях (брат Якоб из одноименного романа).

У персонажей этих биографических романов в интерпретации Х. Стангерупа оказывается много общего. Каждый из них по той или иной причине оказался вдали от Дании. Педер Меллер пишет статьи для датской прессы из Германии и Франции. Петер Лунд отправляется в палеонтологическую экспедицию в Бразилию. В Латинскую Америку вынужден уехать через Европу и брат Якоб. Все протагонисты становятся свидетелями огромных политических и социальных потрясений в Европе и Америке. Речь идет о революциях 1848 года, войне Дании с Германией, Реформации в Дании и Европе.

По признанию Х. Стангерупа, его трилогия была задумана как последовательное отображение трех стадий жизненного пути — концепции С. Киркегора, разработанной им в нескольких литературно-философских произведениях. Современники С. Киркегора — Меллер и Лунд — представляют собой воплощение эстетической и этической стадий, а брат Якоб — религиозной.

Биографический роман в XX веке испытал значительные изменения, которые происходили вслед за трансформацией отношения к историческому процессу и роли личности в истории. Биографические романы в европейской литературе 20–30-х годов представляют собой портретную галерею лучших представителей XIX века (А. Моруа, С. Цвейг). В послевоенное время индивидуализм в биографических романах смягчился в пользу более широкого и подробного изображения исторической обстановки и социальной среды. В 50-х годах вновь возник крен в сторону индивидуалистического в биографическом романе, который уделяет повышенный интерес психоаналитическому подходу к личности.

Социологи с 80-х годов начали придавать новое значение отдельным индивидуумам. На них самих, а не на структуру семьи, профессиональные сообщества, политические группы возлагается ответственность за формирование собственной идентичности¹. При таком подходе перспектива человеческого освобождения от связывающих его пут обусловлена поиском и выбором обстоятельств и правил собственной жизни.

Теории индивидуализации, уловившие тенденции в европейских обществах, могут объяснить и возросший в 80–90-х годах интерес к философским проблемам выбора, вновь стали актуальны традиции экзистенциализма и философское наследие С. Киркегора, которые принципиально индивидуалистичны.

На протяжении XX века было постепенно утрачено представление о линейности истории (М. Фуко). Отказ от структуры романа как линейного повествования совпал с обсуждением сомнительности взгляда на жизнь как на бытие, наделенное двойным смыслом — как значимость и как направление². По свидетельству А. Роб-Грийе, «реальность прерывна, она состоит из произвольно наложенных друг на друга элементов, каждый из которых уникален»³.

В свете новых взглядов на общественные исторические процессы и роль в них человека в условиях культурной, политической и экономической глобализации роман «Путь в Лагоа Санта» имеет жанровое своеобразие. Это биографический роман, где в центре внимания оказывается судьба отдельной реально существовавшей личности. В то же время роман можно воспринимать как образец философской экзистенциальной прозы, так как автор ставит перед собой задачу — раскрыть в ученом Лунде черты этического героя С. Киркегора. Наконец, роман исторический. Он рисует процесс формирования современной научной картины мироздания благодаря знакомствам и переписке П. Лунда со многими передовыми учеными и дея-

телями своего времени. К социально-исторической перспективе можно отнести и изображение революционной Европы и Бразилии, а также войны Дании с Германией.

Развивая традиции документальной прозы, автор внешне остается объективным, приводя документы, подтверждающие его верность факту. Среди них — выдержки из писем самого ученого и его коллег и родственников, записи из дневников. Иллюзию объективности поддерживает и цитата из воспоминаний Нильса Трельса Лунда, вынесенная в эпиграф первой части романа.

Таким образом, «Путь в Лагоа Санта» представляет собой гибрид нескольких романских жанров, где формирование смысла происходит на пересечении разных парадигм. При этом автор остается внешне беспристрастным и объективным, скрываясь за документами, его цивилизационная общественная критика обнаруживает себя в подборе и монтаже фактов, которые навязывают читателю авторскую точку зрения на развитие европейской цивилизации.

В центре повествования оказывается Петер Вильгельм Лунд (1801–1880) — датский ученый, который параллельно с Ч. Дарвином занимался исследованиями в области зоологии и палеонтологии, проводя раскопки в пещерах Бразилии. Время романа охватывает всю жизнь ученого — от его детства и учебы в Копенгагене до смерти в возрасте 79 лет в деревне Лагоа Санта в Бразилии, где он и похоронен.

Свидетельства о жизни Лунда не очень многочисленны. В Дании и Бразилии хранятся собранная им обширная коллекция образцов флоры и фауны Бразилии, а также многочисленные палеонтологические находки — от гигантского ленивца до скелетов доисторического человека. Существуют дневники и путевые заметки Лунда и его переписка с родственниками, среди которых есть письма от С. Киркегора, который был его родственником, коллегами и официальными лицами, в том числе несколько писем от короля. Кроме того, автор знакомился с научными отчетами Лунда, которые он направлял в Данию. Одним из важных источников биографической информации стали воспоминания, написанные племянником ученого — Трельсом Лундом.

Отдельно нужно отметить сохранившиеся письма, рисунки и акварели норвежского художника А. Бранда, который был постоянным спутником Лунда в его экспедициях по Бразилии и фиксировал его палеонтологические находки.

Сохраняя иллюзию объективности исторического исследования с помощью цитат, указания дат и имен, автор усиливает свое присутствие композицией романа. «Путь в Лагоа Санта» как модель современной истории отрицает линейность. Автор тасует факты, документальный материал и подталкивает читателя к его интерпретации.

Стангеруп, используя прием монтажа, начинает повествование с болезни Лунда в Бразилии, описания его лихорадочных видений, которые сопровождают переворот в сознании протагониста. Затем следует рассказ о том, что произошло до и после того, как ученый в возрасте 44 лет отказался от научных исследований, те события, которые призваны объяснить перемену в его сознании. Таким образом, автор сигнализирует, что центральным событием в судьбе протагониста и соответственно романа следует считать историю научного отступничества П. В. Лунда.

Сны, видения и болезненные фантазии создают в романе второй мир, параллельный действительности. Лунд существует на границе между двумя мирами и периодически, во сне или во время болезней, оказывается в мире видений. Среди мучающих ученого кошмаров, которые автор описывает с большой тщательностью, особую роль играют бразильские муравьи. Образ колонии муравьев, которых ничто не может остановить и которые уничтожают все на своем пути, получает в романе развитие, начиная с описания биологического вида и его поведения через изображение тщетной попытки обитателей дома Лунда справиться с этой напастью до метафорического образа муравьев — символического изображения революционеро-нигилистов, разрушающих здание старой Европы. Их так же не остановить, как невозможно перекрыть дорогу муравьям.

Сигнал, который заставляет работать это сравнение, скрыт в диалоге Лунда с безымянным французским зоологом. Разговор происходит в революционной Франции во время посещения Лундом научного диспута о происхождении мира. В уста французского зоолога, одержимого новыми идеями, автор вкладывает основной тезис о борьбе видов как о движущей силе в мире животных и борьбе классов как неизбежном движущем механизме общественного устройства. Он же говорит о равенстве людей и равенстве животных и упрекает Лунда в симпатиях к правому, консервативному, крылу науки. Возмущенный обвинением, ученый восклицает: «Да Вы сами просто муравей!»⁴ Однако в этой фразе «муравей» может быть понят и как оскорбление надоевшего собеседника. Она звучит в ответ на утверждение француза, что в природе все должны быть равноправны: и слон, и муравей.

Муравей как символ нигилистического разрушения старого миропорядка окончательно формируется в кошмаре больного ученого: «Он слышит их. От Гойас до Сан-Паоло, а оттуда на Рио-де-Жанейро. А там только море остановит их марш на старый мир, где ни одна колонна в Соборе святого Петра, ни один буковый лес в Германии и ни один цветок в старом саду Розенбург не выживут, если они только доберутся»⁵. Этот образ переносится на зарождающиеся политические движения и партии, которые без разбора разрушат все в старом мире.

Еще одним персонажем, который, несмотря на свое реальное фактическое состояние, чаще всего встречается в романе в видениях и снах Лунда, является отец С. Киркегора. Автор использует известный факт о том, что отец философа в детстве проклял Бога и рассматривал в качестве наказания за это поочередную смерть всех своих детей. Большинство из них умерло еще при его жизни, в том числе дочери, на которых были женаты братья Лунда. Старый Киркегор приобретает в восприятии протагониста почти демонический характер и становится подобным самой смерти. Протагонист, даже находясь в Бразилии, видит внутренним зрением, как тот вычеркивает очередное имя в своей записной книжке, ведя страшный счет смертям в своей семье.

Лунд живет на границе между европейским рациональным миром и фантастическим, иррациональным миром рабов Бразилии. Туземцы с их легендами, колдунами и суевериями полностью вписываются в мир видений и кошмаров больного ученого. Автор включает в роман интерпретацию событий, стилизованную под мифологическую перспективу бразильских рабов. Лунд и его научный антагонист, датчанин Клауссен, превращаются в персонажей африканских легенд, наделенных сверхъестественными способностями. Они якобы разыскивают в пещерах клад — змеиную кожу, дающую тому, кто ее измельчит и съест, вечную жизнь.

В другом месте больной Лунд в глазах туземцев выглядит похожим на смерть: «Смерть ходит с бинтами, обмотанными вокруг черепа. Смерть переселилась в Лагоа Санта. Она прибыла из холодных стран и привезла с собой странные инструменты в маленьких ящичках». «Когда она снимает очки, ее глаза вытекают из глазниц и лежат как две водянистые лужицы на земле»⁶.

Основной научный спор, который заставляет П. Лунда в интерпретации Х. Стангерупа отказаться от продолжения научной работы и направляет его в деревню Лагоа Санта, касается объяснения исчезновения одних биологических видов и появления новых. Лунд принципиально остается

приверженцем французского палеонтолога и зоолога Ж. Кювье и его теории «катастроф».

По теории Кювье в истории планеты существовало несколько периодов, в рамках которых виды оставались неизменными. Но один период сменил другой посредством катастрофы, следами которой и занимается Лунд в своих исследованиях подземных пещер в Бразилии — он ищет следы «Всемирного потопа».

Вторая теория, которую упрямо не приемлет Лунд, но которая победила и сформировала современную картину мира и позднее была перенесена на процесс развития общества, хотя и не называется в романе, но очевидна: это теория эволюции Ч. Дарвина. Английский ученый несколько раз упоминается в романе, хотя он работал в то же время, что и П. Лунд, и был знаком с бразильскими исследованиями датчанина.

Исследуя ископаемые находки, Лунд размышляет, что происходило после потопа и гибели всех животных — воссоздание мира в прежнем виде или, наоборот, Бог создавал совершенно новые виды. Внезапная находка окаменелых останков живущего и поныне вида крысы — дегу — ставит ученого перед необходимостью найти ответ на эту загадку и восстановить научную гармонию и объяснимость божественного творения. Невозможность сделать это приводит Лунда к коллапсу, физическому и психологическому. Он приходит от гармоничной картины мира к ужасному осознанию хаоса, творимого дьяволом в незаконченном Богом мире.

Этот момент катастрофы, последовавшая затем болезнь, длящаяся больше года, останавливают научные исследования Лунда. Его настигает отчаяние — как неизбежная фаза этического персонажа Киркегора.

Преодоление фазы отчаяния и отрицание новомодных веяний в науке (дарвинизм) и политике (демократия) приводят к обращению ученого к простоте жизни бразильской деревни. Он воспитывает бразильского мальчика, дружит с дочерью бразильского аристократа, преподает детям в школе. Он начинает понимать язык растений, гармонию природы, не ища более ответов на вопросы. Тем самым он признает правоту своего отца, который говорил ему в детстве, что не на все вопросы в мире есть ответы. Символическими оказываются и его похороны: в них принимает участие и колдун, слышится церковный колокольный звон, играет африканский оркестр. Для изготовления фейерверка его воспитанник символично использует листы из его научной библиотеки и все книги, в том числе и Кювье, рассыпаются ракетами в небе.

Одна из основных философских парадигм в романе — заявленная автором интерпретация жизни ученого Лунда с позиции представлений С. Киркегора о трех стадиях жизненного пути. Х. Стангеруп, утверждая, что Лунд в его романе персонифицирует этическую стадию развития личности, с самого начала задает отношения между автором и персонажем. После подобного заявления автор обречен доказывать в романе свою правоту, интерпретируя факты и документы и трактуя события так, чтобы они были «узнаваемы» в русле киркегоровских стадийальных изменений личности. Тем самым Стангеруп поставил себя под удар со стороны специалистов по философии Киркегора, поскольку роман одновременно с судьбой Лунда интерпретирует и философско-литературное творчество С. Киркегора. Таким образом, у романа есть и приверженцы, и критики⁷.

О том, что судьба ученого становится авторской интерпретацией этической стадии философа, говорят три цитаты из Киркегора, вынесенные в эпиграф второй и третьей частей романа. Одним из эпизодов романа, который может быть истолкован как выбор этическим персонажем самого себя, можно считать момент выбора, предоставленный Лунду судьбою, между служением науке и человеческим счастьем, влюбленностью в еврейскую девушку, которую он встретил в Париже. Стангрупп пишет: «Петер Вильгельм не хотел стать героем романа и отправился обратно в Бразилию».

Лунда роднят с этическим персонажем С. Киркегора его понимание добра и зла, желание следовать выбранным принципам, рефлексия и фаза отчаяния при осознании ошибочности попытки контролировать и определять свою жизнь и рационально объяснить мировой порядок.

Кроме того, роман, безусловно, испытал на себе влияние композиции философских произведений Киркегора. Столкновение в романе исторических фактов и перспектив, цитат из писем, видений, суеверий туземцев выполняет ту же функцию, что и множественность псевдонимных авторов у философа. Читатель оказывается сам в состоянии выбора и создания собственной интерпретации и объяснения происходящего. За этим приемом прячется автор.

В общественно-исторической парадигме, в том, как Лунд рефлексиирует по поводу ключевых событий в истории общества и науки середины и второй половины XIX века, видна позиция самого Стангерупа. В романе упомянуты политические волнения и политическая поляризация общества, в том числе и людей науки, принятие датской Конституции, грунтивиганское движение в церкви, приверженцем которого выступает в письмах к Лунду Киркегор. Глазами ученого Лунда читатель смотрит на события

датско-прусской войны, отголоски которой в письмах из Дании доходят до Лагоа Санта. Все эти изменения, проникновение политики в повседневную жизнь крайне отрицательно воспринимаются Лундом.

Автор неслучайно вкладывает в уста своего персонажа критические рассуждения о происходящих политических и идеологических изменениях в Европе. Эта позиция более чем близка самому Стангерупу. Он не устал клеймить датское общество за недалекость, мещанство и влюбленность в собственные мелкие демократические ценности. В этом кроется одна из причин его обращения к середине XIX века — эпохе, в которой зародилось современное Стангерупу настоящее, которое он так критикует. Особенному неприятию подвергается теория эволюции Дарвина, где вместо гармонии царят зло и насилие. Идея насилия как движущей силы эволюции развивается в романе до расовой теории и, как можно предположить, фашизма. Таким образом, ученый Лунд, оставивший науку, оказывается более этическим, нежели Дарвин, чья теория позволила его последователям оправдать насилие в человеческом обществе. И путь в Лагоа Санта становится символической дорогой к самому себе.

Подводя итоги, можно сказать, что роман Стангерупа по своим задачам выходит далеко за рамки биографии — описания жизненного пути Петера Вильяма Лунда. Это роман-размышление о судьбе ученого, философский эксперимент по воплощению идеи С. Киркгора и одновременно рассуждение о судьбах современной Европы и Дании.

¹ Beck U. Risk Society. Towards a new Modernity. L., 1992.

² Бурдые П. Биографическая иллюзия // ИНТЕР. 2002. № 1. С. 75–84.

³ Там же. С. 77.

⁴ Stangerup H. Vejen til Lagoa Santa. København, 1981. S. 74.

⁵ Ibid. S. 176.

⁶ Ibid. S. 189.

⁷ Christensen P. G. The unstable Kierkegaardian. Framework of Henrik Stangerup's Novel Trilogy // Scandivavian-Canadian Studies. 2005. Vol. 15. P. 22–44.